
Volume 4/2010

Comparative Legilinguistics

International Journal for Legal
Communication

Institute of Linguistics
Faculty of Modern Languages and Literature
Adam Mickiewicz University
Poznań, Poland

**INSTITUTE OF LINGUISTICS
LABORATORY OF LEGILINGUISTICS**

www.lingualegis.amu.edu.pl

lingua.legis@gmail.com

KOMITET REDAKCYJNY/EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Jerzy Bańcerowski

Co-editor: Aleksandra Matulewska

Adam Mickiewicz University Affiliated

Sekretarze/Assistants: Robert Bielecki, Swietlana Gaś, Karolina Gortych, Szymon Grzelak,
Joanna Grzybek, Karolina Kaczmarek, Joanna Nowak, Paulina Nowak-Korczyk

External Members of the Editorial Board

Łucja Biel, PhD, University of Gdańsk, Poland

Christos Bintoudis, PhD, Greece/Poland

Susan Blackwell, PhD, University of Birmingham, UK

Professor Olga Burukina, Moscow State Linguistic University, Russia

Sheng-Jie Chen, PhD, National Taiwan University of Science and Technology, Taiwan

Agnieszka Choduń, PhD, University of Szczecin, Poland

Ewa Kościółkowska-Okońska, PhD, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

Professor Larisa Krjukova, Tomsk State University, Russia

Artur Kubacki, PhD, University of Silesia, Katowice, Poland

Professor Maria Teresa Lizisowa, University of Arts and Sciences, Kielce, Poland

Professor Lavinia Nădrag, Ovidius University, Constanța, Romania

Professor Natalja Netšunajeva, Public Service Academy, Estonia

Kiriakos Papoulidis, PhD, Greece/Poland

Professor Fernando Prieto Ramos, ETI, Université de Genève, Switzerland

Professor Judith Rosenhouse, Swantech - Sound Waves Analysis and Technologies, Ltd. (before
retirement: Technion I.I.T., Haifa, Israel)

Iwona Witczak-Plisiecka, PhD, University of Łódź, Poland

Professor Diana Yankova, New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria

Adres Redakcji/Editorial Office

Instytut Językoznawstwa

Pracownia Legilingwistyki

Al. Niepodległości 4, pok. 218B

61-874 Poznań, Poland

lingua.legis@gmail.com

Wydanie publikacji dofinansował Instytut Językoznawstwa

The issue has been published with financial grant from the Institute of Linguistics, Poland.

Copyright by Institute of Linguistics

Printed in Poland

ISSN 2080-5926

Nakład 100 Egz.

Redakcja i skład: Pracownia Legilingwistyki

Druk: Zakład Graficzny Uniwersytetu im. A. Mickiewicza

Table of Contents

ARTICLES	
Preface	7
1. Legal Communication	
Grażyna BEDNAREK (Poland), Translation of the European Arrest Warrant in the Light of Intercultural Communication	9
Sergey KOROLEV (Russia), Procedural Misfires of Cross-Cultural Legal Communication in the Perspective of J. Austin and J. Langshaw Austin	29
Lavinia NĂDRAG, Manuela STROESCU (Romania), A Psycholinguistic Approach to Inmate Argot in Romanian Prisons	39
2. Sworn Translation and Court Interpreting	
Sheng-jie CHEN (Taiwan), Computer Assisted Interpreter Training for Students Who Are Not Foreign Language Majors	49
3. Legal Language and Terminology	
Hanem EL-FARAHATY (UK), Features of English Legal Discourse	61
Yuki HORIE (Poland/Japan), The Roots of Japanese Legal Terminology	81
Diana KORNIĘCKA (Poland), Грамматика и стилистика юридических текстов (на основе уголовного кодекса)	93
Vasily TOKARYEV (Ukraine), Споры о сущности права в дискурсе правопорядка	101
REVIEWS	
Legal Linguistics No Longer Neglected: review of <i>Legal Linguistics</i> by Marcus Galdia (reviewed by Aleksandra Matulewska)	111

Spis treści

ARTYKUŁY

Wprowadzenie	7
1. Prawo a komunikacja	
Grażyna BEDNAREK (Polska), Tłumaczenie europejskiego nakazu aresztowania w świetle komunikacji międzykulturowej	9
Sergey KOROLEV (Rosja), Proceduralne pomyłki w interkulturowej komunikacji prawniczej z perspektywy J. Austina and J. Langshaw Austina	29
Lavinia NĂDRAG, Manuela STROESCU (Rumunia), Psycholingwistyczne podejście do żargonu więźniów w rumuńskich zakładach penitencjarnych	39
2. Tłumaczenie przysięgłe i sądowe	
Sheng-jie CHEN (Taiwan), Wspomagane komputerowo szkolenie tłumaczy ustnych dla studentów kierunków niefilologicznych	49
3. Język prawa i terminologia prawnicza	
Hanem EL-FARAHATY (Wielka Brytania), Cechy angielskiego dyskursy prawnego i prawniczego	61
Yuki HORIE (Polska/Japonia), Źródła japońskiej terminologii prawnej i prawniczej	81
Diana KORNIĘCKA (Polska), Gramatyka i stylisyka tekstów prawnych (na przykładzie kodeksu)	93
Vasily TOKARYEV (Ukraina), Spory o istotę prawa w dyskursie i porządku prawnym	101
RECENZJA	
Legilingwistyka już nie jest ziemią niczyją: recenzja książki <i>Legal Linguistics</i> Marcusa Galdii (recenzowała Aleksandra Matulewska)	111

ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УК РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬШИ И УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Diana KORNIECKA
dkorniecka@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение трудностей в переводе российского и польского уголовных кодексов в плане сопоставительного анализа грамматики текста. Технические аспекты структуры текстового материала регулирует законодательная техника обеих стран. В работе рассматриваются определенные случаи расхождения элементов макро- и микрокомпозиции УК Польской Республики и УК Российской Федерации. Автором указываются возможные ошибки в процессе перевода уголовных кодексов. Статья обращает внимание на то, что именно изучение принципов законодательной техники языка перевода в большой степени позволяет обеспечить требования жанра правовых текстов.

Abstract: The purpose of the paper is to present obstacles in the translation process of Russian and Polish penal codes. Both texts are characterized by a particular register and structure that are regulated by separate laws in both countries. The paper also gives an account of selected differences in macro and micro text structures of the given material. The result to emerge from comparative analysis is that ignoring formal guidelines in the translation process of codification acts may lead to style distortion, that is to say to a translation mistake. On the question of structure and semantics of legal instruments, this study shows that a knowledge of legislative technique is of significant importance for a translator.

Признание существования феномена текста как языковой единицы в современной лингвистике ознаменовалось пристальным вниманием науки к проблемам его совершенствования, что выразилось в многочисленных теоретических исследованиях, посвященных описанию, осмыслению и оценке грамматики, стилистики и функции текста. Итогом интегрированных усилий ученых, прежде всего, таких теоретиков, как Т. Ван Дайк, или Роберт Богранд стала разработка системы правил и норм текстологии. Итак, в западной лингвистической традиции (См.: de Beaugrande, Dressler, 1990) рассматриваются категории текста, которые авторы называют «standards» (стандарт, обязательное условие). Имеются в виду следующие категории: когезия (cohesion), когерентность (coherence), интенциональность (intentionality), приемлемость (acceptability), информативность (informativity), ситуативность (situationality) и интертекстуальность (intertextuality). В основе этого фундаментального понимания текста лежит положение о том, что текст – это прежде всего коммуникативное событие (communicative occurrence), что и определяет выбор методов его исследования. В польских монографиях текст определяется как макропредложение

с определенными жанровыми и стилистическими признаками. Это продукт системы, который является предметом распределения согласно тематическому, логическому и композиционному критериям. Текстом следует называть только то коммуникативное событие, которое в целом подвергается семантической и коммуникативной интерпретациям, дополнительно проявляя интегральность и связанность (См.: Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska, 2004).

Приведенное толкование текста характерно и для разработок в области правовых актов. Установление общей структуры правовых предписаний, а также структуры их текстовой части, в которой излагается закон, имеет принципиальное значение для выработки правил оформления данных текстов. Итак, язык и текст следует рассматривать в качестве юридико-технических инструментов, с помощью которых является возможным обеспечить не только правильное кодирование правовых норм, но также точность, ясность и доступность законов. По мнению А. Малиновского (См.: Malinowski, 2006), правовой текст - это языковой объект, который состоит из оборотов речи, систематизированных согласно определенным обозначениям, т.е. номера статей, их частей или пунктов. Следует отметить, что именно деление правового акта на структурные единицы улучшает его внутреннее построение и в большой степени осуществляет кодификацию норм в языке правового текста.

При анализе уголовных кодексов можно отметить реализацию вышеупомянутых текстуальных стандартов, ибо данные нормативные акты являются коммуникативными событиями. Группа текстоцентрических категорий обнаруживается на уровне языкового материала, т.е. взаимосвязанности языковых единиц или понятий и концептов. Тексты выступают в определенной секвенции, для которой характерны логическая и функциональная связка. Реализация антропоцентрических категорий заметна на основе выражения коммуникативности нормативных актов.

Объектом внимания настоящей работы является сопоставительный анализ текстов российского и польского уголовных кодексов. Понимание правового текста как грамматически оформленной единицы ставит вопрос о роли данной систематизации в процессе перевода. Является ли возможным обеспечить семантическую и текстуально-нормативную эквивалентности между текстом исходного сообщения и его перевода в случае Уголовных Кодексов? Настоящая работа – это попытка дать ответ на поставленный вопрос и выявить насколько важным элементом в процессе перевода является соответствие структуры транслята с актуальной моделью в действующем законодательстве учитывая формальную грамматику этих текстов.

Применительно к уголовному закону в кратком виде деривацию текстов сформулировала Р. Гжегорczykowa (Grzegorzczkova, 1998: 37-44.), которая считает необходимым пояснить, что перевод - это вид преобразования текста, обеспечивающий тождество содержания, при изменении формы в данном процессе. Смысл данного принципа в том, что две языковые версии одного нормативного акта – это два неоднородных текста. С позиции лингвистики перевода принадлежность оригинала к определенному функциональному стилю в значительной степени определяет не только доминантную функцию текста перевода, но также и его стиль. Характерно, что в данном контексте анализа

уголовных кодексов рассматривается несовпадение особенностей соответствующих жанров. При этом следует иметь в виду, что применение подобных соответствий в переводе приводит к искажению жанра языка перевода. Данное подтверждается мнением В. Н. Комиссарова о том, что значительным в проблематике стилистики перевода является «изучение проблемы выбора функционально-равноценных средств в тексте перевода в связи с использованием в переводе языковых форм, отклоняющихся от общепринятой нормы [исходного языка]» (Комиссаров, 2009: 126).

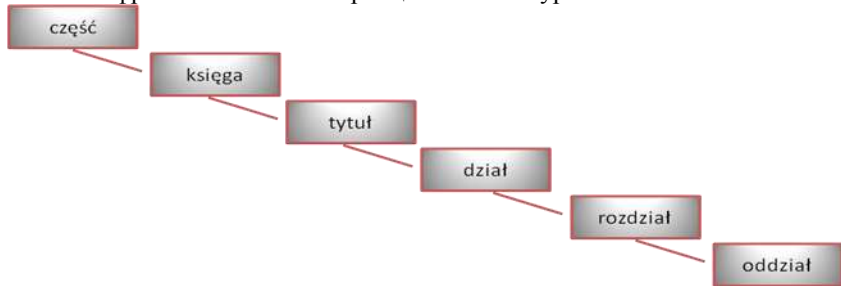
Раскрывая с помощью средств языка государственную волю при написании текста закона, законодатель тем самым дает выражение законодательной технике (*technika legislacyjna*). Применение данного решения обеспечивает не только совершенство структуры, но также форму языка нормативных актов. Таким образом, рекомендации законодательной техники регулируют технические аспекты текста закона, например: обозначение и наименование частей правового акта или порядок деления текста. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что как в Польше, так и в России принципы упомянутой техники уголовных кодексов в большой степени представлены в таких документах как: *Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов*¹⁸ и *Rozporządzenie Prezesa Rady Ministrów w sprawie „Zasad techniki prawodawczej”*¹⁹. Так, изучение этих формально определенных требований к структуре правовых актов позволяет выявить нормы систематизаций тестов уголовных кодексов. Заметим, что в рамках данного анализа выделяется значительное расхождение формальной структуры в польском и российском кодексах. Итак, появление подобных несоответствий в тексте перевода привело бы к резкому нарушению языковой нормы и структуры правовых актов. Из этого следует, что перевод кодексов вызывает необходимость соблюдения формальных расхождений в правилах изложения нормативных актов в исходном языке как и в языке перевода.

Предложить же описание стандартных моделей с размытыми границами и вариантами, конечно, - задача весьма нелегкая: жесткое ее определение, по всей видимости, и невозможно, учитывая количество неэквивалентностей. Поэтому в настоящей статье сделана попытка определить подход к переводу уголовных кодексов. С одной стороны, следует учитывать систематизацию текстов в действующем законодательстве. С другой стороны, необходимо применить для данного процесса также авторские решения. Такой подход заставляет задуматься, прежде всего, о том, какой диапазон характеристик позволит выявить главные положения анализа. Не умаляя значения всех иных аспектов, настоящее расследование рассматривает только некоторые черты макро- и микрокомпозиции уголовных кодексов.

¹⁸ Российская Федерация. 20 ноября 2003. *Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов*.

¹⁹ Респубика Польша. 20 июня 2002. *Rozporządzenie Prezesa Rady Ministrów w sprawie „Zasad techniki prawodawczej”*.

Под макрокомпозицией следует понимать внутреннюю организацию нормативного текста на высшем уровне, по сравнению с его основной структурной единицей. Реквизиты и рубрики законодательных актов должны подвергаться стереотипной структуре и единому стилю изложения, при этом закон становится компактным, понятным и удобным в пользовании. Так, согласно с польскими рекомендациями по подготовке и оформлению проектов государственных законов, название единицы макрокомпозиции состоит из слова, определяющего уровень партии (Подробнее об этом см.: Malinowski, 2006) („część”, „księga”, „tytuł”, „dział”, „rozdział”, „oddział”) и определенного порядкового номера. Необходимо заметить, что настоящая система партий является иерархической структурой текста. Фрагменты нормативного акта, обозначенные партиями высшего уровня, подразделяются на фрагменты текста партией низшего уровня:

В польском Уголовном Кодексе²⁰ выступают следующие структурные элементы: „część” и „rozdział”. Обозначение и наименование данных частей нормативного акта печатается прописными буквами полужирным шрифтом по центру страницы одно под другим. Однако следует заметить, что только низшая партия („rozdział”) имеет порядковый номер, обозначаемый римскими цифрами. По сравнению с польским законодательным актом, Уголовный Кодекс Российской Федерации²¹ состоит из «частей», «разделов» и «глав»:

Следуя Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов, данные структурные единицы печатаются полужирным шрифтом с прописной буквы по центру страницы одно под другим и нумеруются римскими цифрами. Исключением является лишь «глава», которая печатается с абзацного пропуска и имеет порядковый номер, обозначаемый арабскими цифрами.

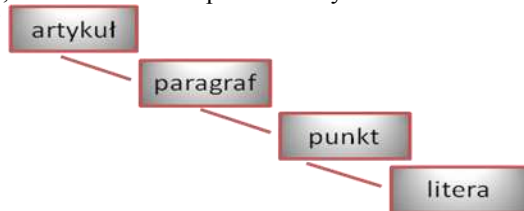
Как следует из сказанного выше, макрокомпозиция польского и российского уголовных кодексов в большой степени накладываются друг на друга за

²⁰ Республика Польша. 6 июня 1997. *Kodeks Karny*.

²¹ Российская Федерация. 24 мая 1996. *Уголовный Кодекс Российской Федерации*.

единственным исключением «главы», структурный эквивалент которой в польском акте не выступает. Итак, без знания действующей техники законодательства языка перевода, не было бы возможным соблюдать языковые нормы жанра. При переводе наименования партии «глава» Уголовного Кодекса РФ употребление словарного эквивалента «rozdział» (См., например: Wawrzyńczyk J. (ред.) 2004) приводит к абсолютно неприемлемому эффекту, ибо польская единица под таким наименованием является высшей партицией в иерархии грамматики текста кодексов. Правильным выбором, согласно польской законодательной технике, является название «oddział», т.е. следующий уровень единиц партиций после единицы «rozdział». Можно сделать вывод, что словарные статьи двуязычных словарей неадекватны. Но речь идет лишь о том, что глубина изучения языковых техник юриспруденции дает основания подготовить полностью правильный перевод.

Микрокомпозиция – это система небольших единиц, реализующих внутреннюю систематику текста. Тут следует выяснить, что под термином систематика текста понимается распределение на группы соответственно с какой-то системой, притом система – это сбор элементов, объединённых друг с другом таким образом, что они составляют единое целое (См.: Malinowski, 2006: 150). Согласно польской и российской законодательным техникам, основной структурной единицей закона является «статья» в польском языке – «artykuł». Так, обратимся к микрокомпозиции польского Уголовного Кодекса, т.е. выделим формально обеспеченные черты основной структурной единицы. «Artykuł» (art.) имеет порядковый номер и подразделяется на такие части, как «paragraf», «punkt» и «litera». К правилам, относящимся к структуре основной единицы польского нормативного акта, можно отнести и следующее: «artykuł» должен представлять собою, по мере возможности, одно предложение. В случае, когда самостоятельную мысль этой единицы определяет состав предложений, «artykuł» следует подразделить на единицы под наименованием «paragraf». Данный уровень партиции, обозначается арабскими цифрами и подразделяется на низшую единицу, т.е. «punkt». Далее, «punkt», обозначается также арабскими цифрами, но с закрывающей круглой скобкой и подразделяется на внутренние партиции под наименованием «litera», обозначаемые строчными буквами латинского алфавита:

Например:

ROZDZIAŁ XI Przedawnienie Art. 101. § 1. Karalność przestępstwa ustaje, jeżeli od czasu jego popełnienia upłynęło lat:

1) 30 - gdy czyn stanowi zbrodnię zabójstwa,
2) 20 - gdy czyn stanowi inną zbrodnię,
2a) 15 -- gdy czyn stanowi występек zagrożony karą pozbawienia wolności przekraczającą 5 lat, |
|--|

Итак, схема польской микрокомпозиции основной структурной единицы состоит из четырех уровней. Необходимо заметить, что «статья» российского кодекса подвергается такому же количеству партиций:

Следовательно, основная структурная единица Уголовного Кодекса РФ имеет порядковый номер и состоит из абзацев, именуемых «частями», а также из «пунктов» и «подпунктов» с цифровыми или буквенными обозначениями, при этом последние могут содержать абзацы. Здесь можно заметить, что одинаковое количество уровней композиции статей польского и российского кодексов тождественно с горизонтальной эквивалентностью этих частей. В целом, с графической точки зрения названные системы соответствуют друг другу. Таким образом, в случае перевода российского УК на польский язык правильным должно быть применение описанной выше схемы. Однако в первую очередь переводчику следует определить технику перевода именно самого наименования статей, ибо законодательные техники обеих стран иначе формулируют лексико-семантическое содержание этих единиц. Согласно *rozporządzeniu Prezesa Rady Ministrów w sprawie „Zasad techniki prawodawczej”*, в польской системе выражение правовой информации статей кодексов реализуется при помощи описательного приема. Так, например, наименование преступления толкуется при использовании местоимения «Kto» с относительной функцией:

Art. 133. Kto publicznie znieważa Naród lub Rzeczpospolitą Polską, podlega karze pozbawienia wolności do lat 3.

Art. 151. Kto namową lub przez udzielenie pomocy doprowadza człowieka do targnięcia się na własne życie, podlega karze pozbawienia wolności od 3 miesięcy do lat 5.

Art. 194. Kto ogranicza człowieka w przysługujących mu prawach ze względu na jego przynależność wyznaniową albo bezwyznaniowość, podlega grzywnie, karze ograniczenia wolności albo pozbawienia wolności do lat 2.

Говоря о трудности перевода и большом значении знания не только грамматики, но и техники изложения законодательных текстов, имеется в виду следующую особенность: пункты статей Уголовного Кодекса РФ, суть которых перечисляемые субъекты, их права, обязанности, признаки и другое, должны

начинаться из однородных формулировок, т.е. с использованием одних и тех же частей речи: существительных, глаголов или прилагательных. Например:

Статья 105. Убийство

Статья 126. Похищение человека

Статья 139. Нарушение неприкосновенности жилища.

Как уже отмечалось, рассмотрение перевода в плане сопоставительного анализа грамматики текста уголовных кодексов позволяет отметить некоторого рода безэквивалентность на лексическом и структуральном уровнях. Одна из задач переводчика состоит в обеспечении стиля и манеры изложения перевода, которые должны быть такими же, как в оригинале. Исходя из этого принципа, статья 105 Уголовного Кодекса РФ – «Убийство», должна переводиться на польский язык с помощью слова «zabójstwo». И наоборот, перевод статьи из польского Уголовного Кодекса например: *Article 155. Kto nieumyślnie powoduje śmierć człowieka, podlega karze pozbawienia wolności od 3 miesięcy do lat 5*, должен звучать следующим образом: *Тот, кто причиняет смерть по неосторожности - наказывается ограничением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет*. В ходе настоящего анализа неоднократно подчеркивалось значение законодательной техники в оформлении текста нормативного акта. Поэтому несоблюдение ее принципов можно было бы охарактеризовать как ошибку в процессе перевода. Восприятие неадекватных форм по сравнению с используемыми в действующем законодательстве языка перевода приводит к искажению жанра нормативных актов. И наконец, подобные ошибки затрудняют восприятие исходного текста профессиональными адресатами.

Резюмируя сказанное, можно отметить следующее. Сопоставительный анализ макро- и микрокомпозиций польского и российского кодексов обнаруживает целый ряд расхождений грамматических признаков текстов. Несовпадение языковых особенностей данного жанра в указанных языках дает основание рассматривать их как особо сложные, требующие профессионального подхода. Можно подчеркнуть, что при передаче нормативных актов возникают трудности не только на уровне графического оформления, но также и стилистического. Как было отмечено, именно такое расхождение подтверждает значение познания оригинала и изучения принципов его формулирования. Поэтому при переводе уголовных кодексов важно обеспечить не только смысловую адекватность, но также верную адаптацию текста перевода с точки зрения узуса законодательной действительности языка перевода.

Литература

- Bartmiński, J., Niebrzegowska-Bartmińska S. 2004. *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań. Tekstologia*. Lublin: UMCS.
- de Beaugrande, W., Dressler, W. U. 1990. *Wstęp do Lingwistyki tekstu*. Warszawa: PWN.
- Grzegorzczkova, R. 1998. *Głos w dyskusji o pojęciu tekstu i dyskursu. Tekst. Problemy teoretyczne*, J. Bartmiński, B. Boniecka (red.), Lublin: UMCS, c. 37-44.

Comparative Legilinguistics 4/2010

- Комиссаров, В. Н. 2009. *Лингвистика перевода*, Москва: URSS, с. 126.
- Malinowski, A. 2006. *Redagowanie tekstu prawnego. Wybrane wskazania logiczno-językowe*. Warszawa: LexisNexis.
- Wawrzyńczyk J. (ред.). 2004. *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*. Warszawa: PWN
- Российская Федерация. 24 мая 1996. *Уголовный Кодекс Российской Федерации*.
- Республика Польша. 6 июня 1997. *Kodeks Karny*.
- Республика Польша. 20 июня 2002. *Rozporządzenie Prezesa Rady Ministrów w sprawie „Zasad techniki prawodawczej”*.
- Российская Федерация. 20 ноября 2003. *Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов*.